

Крафт
Венера

#МОИСНЫ

*И ничего,
кроме секса,
ну почти ничего*

18+

Венера Крафт И ничего, кроме секса, ну почти ничего...

<https://litres.ru/73460626>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она выдавала себя за неё.

Он полюбил ту, кого не должно было быть.

А истина оказалась страшнее любой лжи.

Знакомьтесь: Элис примерная жена, которая изменяет мужу с первым встречным механиком. Адам идеальный муж, который не подозревает, что его невинная супруга совсем не та, за кого себя выдаёт. И Элизабет женщина без прошлого, которая появилась, чтобы разрушить эту идеальную семью.

Подмены, страстные ночи и опасные игры приводят их всех в кабинет человека, который совершил непростительное.

Эта история о том, что случается, когда секс перестаёт быть просто сексом. Когда за одним лицом скрываются две разные женщины. И когда месть оказывается единственным способом обрести свободу.

И ничего, кроме секса, ну почти ничего

#моисны

Венера Крафт
И ничего, кроме секса,
ну почти ничего...

И ничего, кроме секса, ну почти ничего...

“Вид из идеального окна”

Элис

Утро начиналось с того же самого вида – Вашингтон-сквер, залитый осенним золотом, был безупречен, как открытка. Я стояла у панорамного окна, чувствуя холод стекла на лбу, и медленно пила кофе. Он был идеальным, как и

всё в этом пентхаусе. Как и мой муж, Адам. И от этого идеального утра у меня сводило желудок.

Я не хочу здесь находиться.

Мысль прозвучала настолько чётко и громко, что я чуть не выронила фарфоровую чашку. Это было не внезапное озарение, а тихое, укоренившееся знание, наконец нашедшее голос. Это место, эта жизнь – не мои. Они были аккуратно упакованы и вручены мне по случаю замужества, как ещё один дорогой подарок от отца.

Насилия не было. Никто не тащил меня под венец силком. Просто с самого детства воздух, которым я дышала, был наполнен тихими директивами: «Тебе к лицу голубой, Элис», «Дружить с дочерью мистера Брауна – разумно», «Юриспруденция – достойный факультет для твоего положения». Любовь отца была искренней, но удушающей, как бархатный ошейник. Он растил не дочь, а идеальный актив – безупречный, с безупречной репутацией, для безупречной сделки. Замужество за Адамом Грейем было кульминацией этого проекта.

Я обернулась, услышав шаги. Адам входил в гостиную, уже облачённый в костюм стоимостью с мою годовую стипендию в Принстоне. Он и правда был красив: классические черты лица, подтянутое тело, которое посещало спортзал с той же регулярностью, с какой проверяет биржевые сводки. Его голубые глаза, холодные и ясные, как горное озеро, скользнули по мне – от растрёпанных утренних волос до кон-

чиков босых ног.

– Элис, – кивнул он. Его взгляд задержался на разрезе моего тонкого шёлкового халата. Это был не взгляд мужа, жаждущего жену. Это был взгляд собственника, оценивающего состояние своего имущества. Голод в его глазах был лишён страсти – только терпеливое ожидание и уверенность в своём праве.

– Ты сегодня поздно вернёшься? – спросила я, хотя знала ответ.

– Ужин с партнёрами. Black tie. Платье для тебя уже доставили, висит в гардеробной. Будь готова к восьми.

– Хорошо, – прошептала я, вновь глядя в окно.

В этом был весь наш брак. Он уходил – я спала. Он возвращался – я спала. Мы существовали в параллельных реальностях, пересекаясь на светских раутах в безупречных костюмах. Спали в разных спальнях – «чтобы не мешать друг другу отдыхать». Он не торопил с интимом, демонстрируя джентельменскую выдержку. Но я-то чувствовала это давление. Оно висело в воздухе, тикало, как часовой механизм. Всё должно было случиться. И скоро.

Почему же я не хочу здесь быть?

Ответ прожигал меня изнутри одним-единственным именем.

Лиам.

Просто Лиам. Механик из автосалона на окраине. Не Принстон, не Гарвард. Его университет – металл, масло и рёв

моторов. Он старше меня на несколько лет, высокий, сильный, с бритой головой и улыбкой, от которой у меня подкашивались ноги. И запах... Боже, его запах. Смесь мыла, кожи и едва уловимого оттенка бензина – он пах реальностью. От одной этой мысли по телу пробежала знакомая, сладкая дрожь.

Наш роман длился несколько месяцев. Тайных, пьянящих, украденных у идеального расписания месяцев. Мой первый раз был с ним. За неделю до свадьбы, зная всё, что меня ждёт, я отдалась ему в тесной комнатке над гаражом. Это было не насилие судьбы, а мой сознательный, отчаянный бунт.

Я помню всё. Как его шершавая, в царапинах и масляных пятнах рука коснулась моей щеки – нежной, холёной, бесполезной. Как он смотрел мне в глаза, не оценивая, а видя. Видя ту самую Элис, которую никто не знал.

– Ты вся дрожишь, принцесса, – прошептал он, и его голос, низкий и хриплый, растворился в моём теле раньше, чем его губы коснулись моих.

Этот поцелуй снёс крышу, стены, весь этот идеальный, ненавистный мир. Он был не просто горячим. Он был живым – требовательным, влажным, лишённым всякой церемонности. Первый раз... Да, было больно. Но это была боль, за которой тут же накатила волна такого неистового наслаждения, что я закричала. Он был внутри меня – не часть графика или долга, а единственное, что имело значение. Горячий,

пульсирующий, настоящий. Тогда я не достигла вершины. Но позже, когда мы научились телами говорить друг с другом, я узнала, что такое оргазм. Не тихое удовлетворение, а взрыв, землетрясение, после которого мир уже не мог быть прежним.

А теперь... Теперь я в золотой клетке. Каждый выход – под подозрением. Если отец или Адам узнают... Они оторвут нам головы. Они уничтожат Лиам. Адам до сих пор уверен, что берёт в жёны девственницу. Только этим можно объяснить его стоическое терпение.

Но сегодня вечером будет шанс. Этот чертов black-tie ужин. Там будет суматоха, лица, разговоры... Я найду способ улизнуть. Хотя бы на час.

Лиам – моя судьба. Моя единственная, украденная у самой себя, правда. И я готова сжечь этот идеальный, фальшивый мир дотла, чтобы снова ощутить его руки на своей коже.

“Зеркальная игра”

Элис

Ресторан звенел хрустальным смехом и звоном вилок. Я сидела за столиком у окна, механически ковыряя вилкой в тартаре из мраморной говядины. Кто придумал есть такое на ужин? Это было блюдо для демонстрации статуса, а не для утоления голода. Как и я в этом платье.

Адам выбрал его: изумрудный шёлк в пол, облегающий, как вторая кожа, с открытыми плечами и дерзким разрезом,

бегущим по бедру. Он превращал меня в драгоценность – красивую, холодную, отстранённую. Это было платье женщины света, а я... я всё ещё чувствовала себя девочкой, мечтающей сбежать с карнавала.

Мой взгляд метался по залу, выискивая среди смокингов знакомую, мощную фигуру. Лиам обещал. Он должен быть здесь. Я глотала воздух мелкой дробью, то и дело опуская глаза то на тарелку, то на циферблат часов.

– Ты сегодня выглядишь потрясающе, – голос Адама прозвучал прямо над ухом, заставив меня вздрогнуть. Он облокотился на спинку моего стула, его дыхание коснулось обнажённого плеча. – Прямо сияешь.

– Спасибо, – пробормотала я, заставляя уголки губ приподняться в подобии улыбки.

– С тобой всё в порядке? Ты какая-то... рассеянная.

– Просто душно. Схожу освежиться, попудрить нос.

Я встала, чувствуя, как его взгляд прилипает к моей спине, к линии разреза. Он смотрел на меня в машине тем же взглядом – изучающим, терпеливым, но уже лишённым намёка на ожидание. Это был взгляд человека, читающего меня и уже выбравшего блюдо. Да, Адам красив. При других обстоятельствах... Но мои обстоятельства носили имя Лиам.

Пробравшись на кухню, я тщетно искала его среди суеты и пара. Ничего. Остался только дамский будуар – последнее прибежище. Я заперлась в полупустой комнате, оперлась о раковину и закрыла глаза, пытаюсь унять дрожь в коленях.

Внезапно дверь открылась. Вошла женщина в чёрном платье. Оно было простым и оттого невероятно сексуальным: бархат, обнимающий каждый изгиб, открывающий плечи, тонкие браслеты на запястье. Её чёрные волосы волной спадали на один бок, удерживаясь изящной заколкой. Она поймала мой взгляд в зеркале и едва заметно улыбнулась.

Наклонившись, чтобы поправить макияж, она открыла лицо. И тогда я увидела их. Глаза. Не просто зелёные, а цвета весенней листвы после дождя, пронизанные золотыми искорками.

– Ого, – вырвалось у меня шёпотом, прежде чем я успела подумать. – У вас... невероятные глаза.

Она не спеша убрала красную помаду, её движения были плавными, почти гипнотизирующими.

– Благодарю, – её голос был низким, тёплым, как коньяк.

Она приблизилась и, глядя в зеркало на наше отражение, добавила:

– А у вас волосы цвета осеннего солода. Прелесть.

– Угу, – я почувствовала, как по спине пробежал лёгкий озноб. Вблизи она была ещё эффектнее. Большие, подведённые чёрным глаза-миндалины, идеальная фарфоровая кожа и губы, которые, казалось, созданы для шёпота тайн.

– Вас, случайно, не Элис зовут?

Сердце ёкнуло и замерло.

– Как?.. Да. Да, я Элис.

– Я Элизабет. Вас там спрашивал молодой человек.

– Это, наверное, Адам, мой муж...

– Нет, – она покачала головой, и чёрные локоны колыхнулись. – Не думаю, что это ваш муж. Он... не из их круга.

Надежда, острая и сладкая, ударила в виски. Я схватила её за руку.

– Лиам? Это Лиам?

– Высокий, лысоватый, смотрит на дверь, как сторожевой пёс? Похоже на ваше описание.

– Спасибо! О, Боже, спасибо!

На радостях я вылетела из комнаты и прямо врезалась в твёрдую грудную клетку, пахнущую дорогим парфюмом и властью.

– Элис, – Адам удерживал меня за плечи, его пальцы впились в кожу. – С тобой всё в порядке? Тебя нет уже десять минут.

В панике я метнула взгляд за его спину. И увидела его. Лиам стоял в нише у колонны, его глаза, тёмные и горящие, приковались ко мне. Он ждал сигнала. Ждал, когда этот человек уберёт от меня свои руки.

– У меня... немного прихватило живот, – выдавила я, чувствуя, как горит лицо.

– Всё, вызываю машину. Едем домой.

– Нет! – мой крик прозвучал слишком громко, заставив пару официантов обернуться. Я сделала глубокий вдох. – Не надо. Уже почти прошло. Я просто выпью воды, приду в себя и вернусь. Обещаю.

Он изучал меня секунду, две. Его взгляд был сканером, выискивающим ложь.

– Пять минут, – отрезал он. – Я буду ждать за столиком.

Едва он развернулся, я юркнула обратно в будуар. Сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть. В ту же секунду дверь распахнулась, и в комнату ворвался он.

– Лиам!

Он не произнёс ни слова. Он просто накрыл меня собой, прижал к прохладной кафельной стене и захватил мой рот своим. Это был не поцелуй, а утверждение, притязание, пьянящая смесь ярости и тоски. Его губы были жёсткими, требовательными, язык – властным. Я отвечала с той же дикостью, впиваясь пальцами в его плечи, чувствуя сквозь тонкую ткань рубашки напряжение каждой мышцы. Неделя разлуки расплавилась в этом едином, жгучем соприкосновении.

– Элис, я с ума схожу, – он прошептал это в уголок моих губ, его дыхание обжигало. – Я не могу больше это терпеть. Пойдём. Сейчас.

– Как? Он следит за каждым моим шагом! Через пять минут я должна быть за тем столом!

– Тогда давай убежим. Насовсем.

– Ты... ты серьёзно?

– Смертельно. Я не хочу тайком целовать тебя в уборных. Я хочу просыпаться с тобой.

Он снова поцеловал меня, медленнее, глубже, его руки сползли к моей талии, прижимая к себе так, что я почув-

ствовала его возбуждение сквозь слои ткани. Голова закружилась. Я едва оторвалась, чтобы прошептать:

– Мой отец найдёт нас. Он уничтожит тебя. Нам нельзя быть такими беспечными...

В этот момент послышался лёгкий кашель. Элизабет всё ещё была здесь, наблюдала за нами с загадочной полуулыбкой.

– Думаю, я могу вам помочь, – произнесла она тихо.

– А ты кто вообще такая? – буркнул Лиам, не выпуская меня из объятий.

– Это Элизабет, – поспешно сказала я. – Что вы предлагаете?

– Мужчина, дай нам пятнадцать минут, – её тон не допускал возражений. – Девичьи секреты.

Лиам посмотрел на меня. В его глазах читалась борьба. Наконец он кивнул, грубо поцеловал мои губы на прощание и вышел, хлопнув дверью.

Комната погрузилась в напряжённую тишину.

– Я слушаю, – сказала я.

– Для начала – давай на «ты». Мы, кажется, ровесницы.

– Хорошо. Что у тебя на уме?

– Мы поменяемся, – она сказала это так же спокойно, как если бы предложила чашку кофе.

– Чтооо???

– Я прикинусь тобой за столом твоего мужа, а ты... проведешь вечер с тем, кого любишь.

– Мы даже не похожи!

– Это пока что на нас косметика и причёски, – она подошла ко мне, развернула к зеркалу и встала сзади, положив руки мне на плечи. Наши отражения были разными, но... была какая-то странная гармония в пропорциях, в постановке головы. – Ты ничего не теряешь, кроме шанса. А он ускользает.

Она была права. Этот вечер, эта авантюра – последний глоток воздуха перед тем, как погрузиться на дно. Решение созрело мгновенно, горячее и безрассудное.

– Давай!

– Снимай платье.

Процесс превращения был похож на магический ритуал. Под чёрным бархатом Элизабет оказалось тело, не уступающее в стройности моему, но более... земное. С лёгкими веснушками на плечах. Пока мы менялись платьями, я тараторила, выдавая информацию: имена гостей за столом, дета-

ли о «дяде Роберте», любимой теме Адама – слиянии компаний. Она слушала, кивала, её пальцы ловко управлялись с застёжкой моего сложного платья.

Затем – макияж. Я наносила на её лицо свои светлые тени, подводила глаза так, чтобы сделать их менее драматичными. Она же превращала меня в соблазнительную незнакомку: чёрные стрелки, алые губы, румяна, вычерчивающие скулы. Её пальцы были твёрдыми и уверенными на моём лице.

– Волосы, – прошептала я, глядя в зеркало. – У тебя чёрные, а у меня...

– Не проблема, – она достала из сумочки баллончик с временным спреем-тонером. – Держись.

Облако мелкой пыли окутало комнату, чтобы придать ее волосам светлых прядей. Когда оно рассеялось, в отражении смотрела на меня другая. Сексуальная, опасная, дышащая тайной женщина с зелёными глазами. Это было пугающе и возбуждающе.

– Мы... мы это сделали, – выдохнула я, не в силах оторвать взгляд. – Боже правый, это безумие!

– Не сходи с ума, дорогая, – она поправила прядь у моего виска. – Это всего лишь один вечер. Будь осторожна.

В этот момент в дверь постучали: три чётких, неторопливых удара.

– Элис? Ты там?

Ледяной ужас сковал меня. Но Элизабет – нет. Она метну-

ла мне предупреждающий взгляд и ответила голосом, в котором я с трудом признала собственный, чуть приглушённый и усталый тон:

– Да, я сейчас. Подожди меня у столика.

Она вышла, не оглядываясь. Я прилипла к двери, слушая, как её каблуки отдаляются по коридору. Теперь всё зависело от её игры.

Дверь снова распахнулась. Ворвался Лиам.

– Где Элис? – его взгляд пронзил пустую комнату, скользнул по мне и... проигнорировал. Он не узнал меня.

Смесь обиды и торжества поднялась комом в горле.

– Ну что, слепой? Совсем не узнаёшь? – я сделала шаг вперёд, заставляя его взглянуться.

Он всматривался. Сначала в глаза, потом губы, потом медленно, очень медленно, оглядел меня с ног до головы. Его собственное лицо отражало шок, недоверие, а затем – тлеющий, дикий восторг.

– Твою мать... Элис? Это... Это ты? Но как?..

– Магия, дорогой. И одна очень смелая фея, – я закрыла расстояние между нами, положила ладонь ему на грудь, чувствуя под ней бешеный стук сердца. – Всё остальное неважно. Важно то, что у нас есть этот вечер. Только мы.

Он схватил мою руку, его пальцы сплелись с моими в мёртвую хватку. В его глазах горел не вопрос, а уже решение.

– Тогда пошли. Я знаю место.

И я пошла. Глядя на его широкую спину, на затылок, на

знакомую походку, я поняла с кристальной ясностью: за этим человеком я готова была идти не только на край света, но и в самую гущу тьмы. Платье Элизабет шелестело на мне, как доспехи новой, бесстрашной версии себя.

“Танец Элизабет”

«Это будет интересно», – пронеслось в голове Элизабет, и уголки её губ дрогнули в едва заметной улыбке. Она вышла в зал, окутанный мягким светом и низким гулом приличного общества.

Адама она нашла мгновенно. Он был центром гравитации за своим столом – жестикулировал, что-то доказывал партнёрам, его профиль под острым углом выглядел решительно. Она бесшумно скользнула на своё место, но его радар сработал мгновенно. Взгляд, полный деловой концентрации, наткнулся на неё – и замер. На лице мелькнула тень растерянности, быстрый, почти невидимый расчет. Да, сходство было поразительным, но не идеальным. Игра началась.

Сверкнув своими изумрудными глазами (она знала, как ими пользоваться), она наклонилась и коснулась губами его щеки. Кожа была гладкой, но под ней чувствовалась жёсткая, мужская щетина.

– Всё в порядке, дорогой. Просто небольшая мигрень. Уже прошла, – её голос был на пол-тона ниже, чем у Элис, и чуть более бархатистым.

Адам откинулся на спинку стула, изучая её. В его голубых глазах плескалось недоумение, но затем – искорка любопытства. Он принял это за каприз, за новую игру. И отчасти был прав.

– Как самочувствие? – спросил он, и его пальцы легли на её запястье, ощущая пульс.

– Гораздо лучше. Но мне страшно не хватает вина. Закажешь? Мерло, если помнишь.

– Как скажешь, – он кивнул официанту, не отпуская её руку. Его покладистость была обманчивой – за ней стояла уверенность человека, привыкшего в итоге получать своё.

«Красив, чертовски красив», – подумала Элизабет, смакуя мысль. Его осанка, точные жесты, сдержанная сила – всё это излучало власть. И это её заводило. Гораздо больше, чем она ожидала.

Когда бокал наполнился тёмно-рубиновой жидкостью, она сделала маленький глоток, позволяя вину раскрыться на языке. Адам вернулся к разговору, но его внимание теперь было раздвоено. Его большой палец бессознательно водил по её внутренней стороне запястья, по самому чувствительному месту.

Элизабет решила действовать. Она медленно поднесла его ладонь к своим губам и оставила на ней лёгкий, влажный поцелуй, глядя ему прямо в глаза.

– Пригласи меня на танец. Пожалуйста.

Он на секунду замер, его бровь поползла вверх. Но прось-

ба, облечённая в такую форму, была для него приказом. Без лишних слов он поднялся, помогая и ей встать. Его хватка была твёрдой, неоспоримой.

В центре зала свет был приглушён до интимного полумрака, и живой джаз – томный контрабас и хриплый голос певицы – обволакивал пары. Адам притянул её к себе так, что между ними не осталось места для приличий. Он пах дорогим парфюмом с нотами сандала, выдержанным виски и... чистым, горячим мужским телом. Ошеломляющая смесь.

– Ты сегодня невыносимо прекрасна, – его губы почти коснулись её уха, голос стал низким, для неё одной.

– И только сейчас до тебя это дошло? – она откинула голову, подставляя шею.

– Да, – признался он, и в его голосе прозвучала непривычная искренность. – Именно сегодня.

Мысль Элизабет работала холодно и быстро: «Дурочка, Элис. Что ты находишь в том своём горе-механике? Мгновенный огонь, который сжигает дотла? У этого же – устойчивое, долгое пламя. Он может дать всё. И, судя по всему, знает, как обращаться с женщиной».

Танец превратился в медленный, едва прикрытый намёк. Его ладонь лежала на её пояснице, пальцы впивались в шёлк, ощущая тело под ним. В ответ она запустила пальцы в его идеально уложенные волосы, слегка нарушив их безупречность. Когда она на мгновение повернулась спиной, прижав-

шись к нему, её ягодица коснулась твёрдого, напряжённого возбуждения. Но вместо того, чтобы настойчиво прижиматься, Адам сделал почти неуловимое движение бёдрами в сторону, отодвигая искушение. Этот жест рыцарственного самообладания возбудил её больше, чем любая навязчивость.

– Ты сводишь меня с ума, Элис, – прошептал он, его губы коснулись её виска.

Она резко развернулась в его объятиях, лицом к лицу.

– Сегодня, – выдохнула она ему в губы, – зови меня Элизабет.

Последние ноты песни растворились в аплодисментах. Но они не двигались, застыв в этом взгляде. И тогда она сама закрыла расстояние между их ртами.

Его губы были мягкими и отзывчивыми. Он не набросился, а позволил ей вести – на секунду. А потом взял инициативу. Его язык вторгся не как захватчик, а как исследователь – влажный, медленный, умелый. Он исследовал нёбо, гладил её язык, слегка покусывал её нижнюю губу, заставляя её сладко вздрогнуть. Поцелуй был коротким, но невероятно концентрированным. В нём было обещание.

Вернувшись за стол, они уже были другими. Воздух между ними искрился. Адам забыл о партнёрах. Его рука лежала у неё на бедре под столом, большой палец рисовал медленные круги по внутренней стороне, чуть выше колена. Она в ответ перебирала пальцами волосы на его затылке, чувствуя, как он едва заметно наклоняется к её прикосновениям. Их

разговор стал тише, интимнее, полным двусмысленных шуток, понятных только им двоим.

«Блестяще, – думала Элизабет, ловя на себе его горящий взгляд. – Он попался. Полностью.»

Но чем ближе был финал вечера, тем сильнее в душу заползала холодная тень беспокойства. Где эта глупышка Элис? Если она сейчас не появится... если Адам попытается уехать с ней, с Элизабет... Игра могла обернуться опасным крахом. Удовольствие постепенно замещалось острым, трезвым расчётом. Нужно было искать выход. Или готовиться к следующему, непредсказуемому ходу.

“Украденные часы”

Элис

Он повёл меня, и в его хватке была не просто нетерпеливость – в ней была ярость от вынужденного ожидания, сжатая в кулак, который теперь сжимал мою руку. И я шла. Я бы последовала за этим ощущением хоть на край света. Это было похоже на падение: ты уже сделал шаг в пропасть, и остаётся только лететь, наслаждаясь свистом ветра и головокружительной свободой. Любить его значило отказываться

от разума. Дарить себя – означало находить в этом разрушении новое, подлинное рождение.

Мы вырвались на улицу через кухню, где нас обдало волной горячего, пряного воздуха, смешанного с звоном посуды и криками поваров. Хлопнувшая железная дверь отсекала мир хрустальных бокалов и приглушённых разговоров. Нас поглотила прохладная, пахнувшая асфальтом и дальним дождем ночь. И прежде чем я успела сделать вдох, он прижал меня к шершавой, холодной стене. Его тело, большое и жаркое, стало моим единственным укрытием.

Его поцелуй был не лаской, а захватом территории. В нём не было вопросов, только утверждение, знакомое и каждый раз новое. Губы, обжигающие и требовательные, язык, который не просил разрешения, а сразу начинал исследовать, забирать, знакомиться заново. Я отвечала с той же животной отдачей, впиваясь пальцами в его плечи, чувствуя, как под тонкой рубашкой играют мышцы. Мы были в грязном переулке, забитом мусорными баками, где с карниза монотонно капала вода, отсчитывая секунды нашего воровства. Нас не заботили ни грязь, ни запах, ни возможность быть увиденными. Эта любовь сносила все преграды, как ураган хлипкие постройки. Она оставляла после себя лишь чистый, оголённый ландшафт чувств, где стыд был сожжён, а осталась лишь дрожь ожидания.

Каждое его движение доводило меня до иступления. Он заглатывал мои стоны, а его ладони, шершавые и сильные,

сжимали мои бёдра, приподнимая, прижимая к себе так, что даже через слои ткани – шёлк платья, кружево белья, джинсовую ткань его штанов – я чувствовала твёрдый, настойчивый напор его эрекции. Он тёрся о мою промежность, и этот грубый, почти неприличный танец зажигал во мне низом живота знакомый, томительный огонь. Я была опьянена его натиском. Эта одержимость, эта первобытная грубость, лишённая намёка на светскую церемонность, была антидотом от всей моей прежней жизни. В ней была правда.

– В машину. Сейчас, – его голос прозвучал хрипло, почти как рык, когда он оторвался от моих губ, оставив их пустыми и холодными без его тепла. Он почти потащил меня за собой, и я спотыкалась на высоких каблуках, смеясь от нахлынувшей истерической радости.

Салон его старого «Мустанга» был нашей священной территорией. Здесь пахло кожей, машинным маслом, его одеколоном с нотками дуба и... им самим. Пока он поворачивал ключ зажигания и мотор отозвался низким рёвом, я приникла к его шее. Я целовала, кусала, лизала чувствительную кожу над ключицей, слушала, как его дыхание сбивается. Моя рука сама потянулась вниз, к выпуклости на его джинсах. Медленно, растягивая момент, я расстегнула потёртый кожаный ремень, щелчок молнии прозвучал неприлично громко. Высвободив его, я обхватила пальцами. Он был твёрдым, как сталь, и пульсирующим, как живое сердце. Горячим. Таким знакомым и всегда новым.

– Давай же, детка, не мучай, – его голос сорвался на стон, когда я провела большим пальцем по чувствительной голове.

Я не заставила себя ждать. Наклонившись между сиденьями, я взяла его в рот, стараясь захватить как можно глубже, почувствовать каждой клеточкой рта. Его рука вцепилась в мои волосы, сменяя укладку, направляя ритм. Он водил машину, а я слушала музыку его тела: прерывистое дыхание, сдавленные ругательства, низкое рычание, вырывавшееся из глубины груди, когда я особенно глубоко погружалась. Это было безумие: несущаяся ночная улица, его рука на руле, его член в моём рту, вкус соли и кожи. Ощущение риска и запрета возбуждало меня не меньше, чем его физическое присутствие. Я чувствовала, как его тело натягивается. И когда он кончил, я приняла всё, смакуя знакомый, острый вкус, слушая его долгий, счастливый выдох, чувствуя, как его пальцы разжимаются в моих волосах, превращаясь в ласковую, благодарную поглаживающую дрожь.

– Молодец, девочка, – прошептал он хрипло, проводя большим пальцем по моей мокрой от него губе. – Моя хорошая девочка.

Мы свернули на пустынную смотровую площадку над городом. Огни мегаполиса лежали внизу, как рассыпанное ожерелье – холодное, далёкое, чужое. В тесном пространстве заднего сиденья не было места для нежности. Была только жажда, острая и требовательная. Он помог мне встать на ко-

лени, я упёрлась ладонями в ледяное стекло, за которым сиял чужой мне мир. Он вошёл с одного мощного, уверенного толчка, заполнив меня до предела, и мы оба закричали – он от наслаждения, я от этой сладкой, разрывающей боли-удовольствия, от чувства полного обладания. Он двигался с силой, от которой покачивался весь автомобиль. Одной рукой он впивался в моё бедро, оставляя синяки, которые завтра будут напоминать мне об этом, другой – сжимал, мял, щипал мою грудь через тонкую ткань платья, заставляя выгибаться в немом экстазе.

Потом он развернул меня, уложил на сиденье и набросился на мои соски, жадно засасывая их через ткань, покусывая, лаская языком, пока я не завывала, не в силах сдержать крики. Всё было влажно, горячо, предельно откровенно. Затем я оказалась сверху, оседлав его, взяв контроль. Я двигалась, глядя, как его глаза темнеют от страсти, как на лбу выступают капли пота. Я забыла, кто я, где я, помнила только ритм и нарастающий вихрь внутри, закручивающийся в тугую, сладкую пружину.

– Я сейчас... Лиам, я...

– Знаю. Отпусти себя. Я с тобой, – он сел, обняв меня, его руки на моих бёдрах помогали, ускоряли, углубляли движения, пока моё тело не пронзила судорога невыразимого наслаждения. Волна за волной, я кричала, уткнувшись лицом в его шею, а потом почувствовала, как его собственное тело содрогнулось в финальном, глубоком толчке, заполняя меня

теплом.

Мы лежали, сплетённые, наши сердца отбивали бешеный ритм, постепенно успокаиваясь. Пахло сексом, кожей и ночным воздухом. Он смотрел на меня, его рука лежала на моём потном животе.

– Чёрт. Ты в этом... Ты выглядишь как грёбаная богиня мести. Или искушения. Эти стрелки, эти губы... – он провёл пальцем по контуру моей помады, размазывая её. – Это безумно горячо.

– Правда? – я улыбнулась, чувствуя, как растёт внутри странная гордость за эту новую, дерзкую версию себя.

– Правда. Ты голодна? Я умираю.

– Я бы съела целого быка.

Мы нашли забегаловку на окраине, светящуюся неоновым знаком. Сидели в пластиковых креслах, уплетали дешёвые, жирные, невероятно вкусные бургеры, и смеясь, как дети. Мы катались с открытыми окнами, и ночной ветер развеивал мои волосы. Я болтала без умолку – о наших мечтах, о маленькой лодке, о домике у океана, о том, как я скучала по его смеху. Он в основном молчал, просто слушал, изредка касаясь моей руки или улыбаясь, и в этой тишине было больше понимания и принятия, чем в любых словах. **В эти минуты я была по-настоящему свободна и счастлива.**

Вибрирующий в сумочке телефон упал, как гильотина, разрубая этот хрупкий пузырь. Сообщение от Элизабет светилось на экране, как предупреждение: «Пора возвращаться».

У нас мало времени. Он начинает беспокоиться».

Лиам всё понял по выражению моего лица. Его улыбка исчезла, глаза стали жёсткими.

– Элис, хватит. Хватит этого цирка, – его голос был низким и серьёзным. – Я не хочу украденных часов в переулках. Я хочу тебя. Всю. Каждое утро. Каждую ночь.

– Милый, я знаю, но...

– Нет «но». Давай уедем. Прямо сейчас. У меня есть немного денег, мы...

Его пальцы снова нашли путь под моё платье, к уже влажным от возбуждения и тоски кружевам. Он тер мой клитор через ткань, а затем два пальца легко, почти без усилий, вошли в меня. Я вскрикнула, вновь захваченная волной желания.

– Видишь? Ты тоже не хочешь уходить, – прошептал он, захватив мой рот в поцелуй, глубокий и отчаянный. Его пальцы двигались внутри меня в такт работе языка. Я таяла, граница между «должна» и «хочу» снова расплывалась.

Настойчивый, повторяющийся звонок разорвал порочный круг. Это был уже ультиматум.

– Это она. Мне... мне правда пора. Сейчас всё разрушится.

– Когда? – в его вопросе звучала не злость, а боль. Настоящая, мужская боль. – Когда ты будешь моей по-настоящему?

– Скоро! Я что-нибудь придумаю! Обещаю! – я выскочила из машины, едва успев натянуть трусики и сгладить платье.

Он уехал, резко дав по газам, и визг шин на пустынной дороге прозвучал как обвинение.

“Развязка маскарада”

Элис

Элизабет ждала, прислонившись к раковине. Она курила тонкую сигарету, и её зелёные глаза в клубях пара казались ещё более неземными. Она выглядела спокойной, но в уголках её губ играла лёгкая, усталая улыбка, а в осанке читалась собранность хищницы после удачной охоты.

– Ну? Прокатило? – сказала я.

– Идеально. Но... – она запнулась. – Он... возбуждён. Я имею в виду, не просто заигрывает. Он настроен решительно. Ждёт продолжения.

– Что? – я приподняла бровь.

– Интересно. Значит, мой маленький спектакль произвёл слишком сильное впечатление.

– Что это значит? – в моём голосе прозвучал настоящий страх.

– Это значит, дорогая, что твой законный супруг в предвкушении брачной ночи. А ты имеешь полное право и, скажем так, супружеский долг её осуществить.

– Нет! – это вырвалось у меня с такой силой отчаяния, что я сама отшатнулась. – Я не смогу. Я не буду ему изменять. Ты же понимаешь? Я люблю Лиама. Это было бы... преда-

тельством всего.

– Спокойно, маленькая бунтарка, – её голос стал вдруг мягким. Она потушила сигарету. – Я не говорю, что ты должна. Я говорю, что он этого ожидает. Но ожиданиями можно управлять. У меня есть план.

Она подошла ближе, и от неё пахло дорогими духами и холодной решимостью.

– Ты выйдешь к нему бледная, чуть пошатывающаяся. Скажешь, что тебя мутит от вина или от духоты. Ты будешь выглядеть хрупкой и несчастной, как фарфоровая куколка, которую чуть не разбили. А завтра утром, как я аккуратно выяснила за ужином, он уезжает в командировку. На три дня.

– Три дня? – во мне вспыхнула такая яркая, болезненная надежда, что перехватило дыхание. – Целых три дня с Лиамом... Это целая вечность!

– Именно. А теперь быстро. Каждая минута на счету. И смой эту мою помаду, в твоём образе она выглядит вульгарно.

Процесс превращения обратно был похож на разоблачение. Мы смывали краску, меняли платья, снова становясь карикатурами самих себя. Когда я уже почти была готова, она мягко, но властно взяла мою руку и вложила в ладонь маленькую, плотную визитку из чёрного матового картона. На ней был только вытисненный серебром номер телефона и имя: Элизабет Торн.

– Что это?

– Страховой полис, – она улыбнулась, и в её изумрудных глазах вспыхнули колкие искорки. – Через неделю, может

раньше, может позже, он тебе понадобится. Когда потребуется помощь... другого уровня.

– Какого уровня? – спросила я, ощущая холодок по спине.

– Уровня, на котором играют не в жмурки, а в покер, где ставки – жизни. – Она произнесла это так же просто, как если бы говорила о погоде. Её глаза, огромные и проницательные, на мгновение будто лишились человеческого тепла, став просто инструментом анализа. Ведьминские глаза, – снова, неотступно, пронеслось у меня в голове. Я, будто загипнотизированная, сунула визитку в потайной кармашек клатча.

Вернувшись в зал к Адаму, я сыграла свою роль лучше любой актрисы: прижала ладонь ко лбу, сделала глаза стеклянными и несфокусированными, слегка пошатнулась на подходе к стулу. Элизабет была права во всём. Он не просто купился – он превратился в образец заботы. Он немедленно поднялся, поддержал меня, нахмурился от беспокойства. Он отвёз меня домой не на лимузине с водителем, а сам, одной рукой на руле, другой – на моей холодной ладони. Он проводил меня не до двери спальни, а прямо до кровати, поправил подушки, принёс стакан воды с таблеткой от головной боли (которую я, конечно, не приняла). И, о чудо, он оставил меня одну. Просто наклонился, поцеловал в лоб – губы были сухими и тёплыми – и тихо закрыл дверь, сказав: «Спи, Элис. Выпись».

Я лежала в темноте огромной, холодной спальни. На языке всё ещё жил привкус дешёвого кетчупа и пота Лиама. В

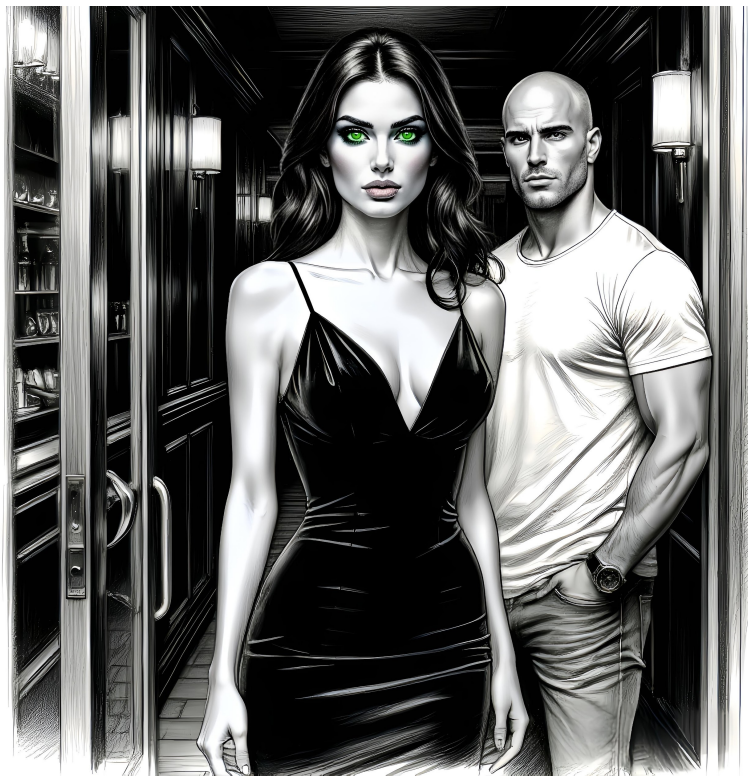
мышцах ныла приятная усталость от страсти. В сумочке у изголовья лежала чёрная визитка, которая жгла мне сознание. А за стеной, в своём кабинете, был муж, чьё терпение и чьи инстинкты собственника я только что испытывала на прочность.

Этот вечер был победой! Мы украли целый мир за несколько часов. Но цена этой победы становилась всё яснее. Я не просто играла в опасную игру. Я впустила в неё новых игроков с неизвестными правилами. И теперь маска Элизабет, которую я примерила, казалось, навсегда оставила на моём лице невидимый, но осязаемый след. Завтра начнётся новая партия. И я уже не была уверена, кто делает в ней ходы: я, судьба или таинственная женщина с глазами цвета весенней листвы.

“Взгляд из тени”

Элизабет стояла в тени массивной колонны у входа в ресторан, невидимая для выходящего потока сияющих, довольных жизнью людей. Тонкая сигарета с ментоловым фильтром, казалось, была продолжением её длинных, изящных пальцев. Она медленно выдыхала струйку дыма, наблюдая, как Адам помогает моей хрупкой двойнице сесть в лимузин. Его движения были безупречно галантными, поза – защищающей. «Хорошо сыграно, девочка», – пронеслось у неё в голове с лёгкой, почти профессиональной оценкой.

Она проследила взглядом, пока машина не растворилась в ночном потоке. Лишние сомнения, лишние вопросы – всё это было ненужным балластом. По крайней мере, сейчас. Потом... потом всё могло стать сложнее. И интереснее.

Мысли прервал тяжёлый, не скрываемый шаг. Она почувствовала его приближение раньше, чем слышала, – по сдвигу воздуха, по грубой энергетике, ворвавшейся в её ухоженное пространство.

– Я думала, ты уехал, – сказала она, не оборачиваясь, сделав последнюю, медленную затяжку. Её голос прозвучал ровно, как поверхность пруда в безветрие.

– Так и было, – отозвался Лиам. Он остановился в паре шагов, и она ощутила на себе его взгляд – тяжёлый, изучающий, лишённый светских прикрас. – Вернулся сказать «спасибо».

– Говори. У меня не так много времени.

– Уже.

Она, наконец, повернула к нему голову. Её изумрудные глаза, холодные в свете уличного фонаря, скользнули по нему: заношенная кожаная куртка, мощные плечи, руки, привыкшие к металлу и гайкам, упрямый, небритый подбородок. Она видела не просто мужчину. Она видела тип. Самовлюблённый, импульсивный манипулятор, охотник на юных душой девочек вроде Элис. Он подсаживал их на адреналин дешёвых тайн и дешёвой страсти, пока игрушка не надоедала. В нём была грубая сила, но не было стратегии. Только аппетит.

И этот аппетит был направлен сейчас на неё. Его взгляд не скрывал интереса – медленный, оценивающий маршрут

от её каблуков, вдоль силуэта, подчёркнутого бархатом, к декольте, к губам, к глазам. Посмотреть было на что, и Элизабет прекрасно это знала. Разница между ней и Элис была не в возрасте – они были почти ровесницами. Разница была в породе. Элис – нераспустившийся бутон, трогательный в своей хрупкости. Элизабет – роскошный, ядовитый цветок, распустившийся в полночь, знающий всю цену своей красоте и умеющий её взывать.

Она слишком часто видела такой взгляд. В нём читалось не восхищение, а вызов и желание обладания. Это был язык, на котором говорили в его мире. И она решила ответить на нём, чтобы больше вопросов не возникло.

– Мы с тобой, мальчик, – произнесла она чётко, делая последнюю затяжку и бросая окурок под ноги, где тот умер с шипением в лужице, – находимся в разных весовых категориях. В разных лигах.

Она не стала ждать ни ответа, ни оскорблённой реакции, ни глупой ухмылки. Всё это было пусто, скучно и предсказуемо. Повернувшись на каблуках, она направилась к тротуару, где её уже ждало такси, поданное по звонку пять минут назад. Её походка была неспешной и абсолютно уверенной. Она не оглянулась ни разу, но спиной чувствовала его взгляд, упёршийся ей вслед – колкий, обиженный, полный нереализованного желания.

Но где-то в глубине, в том отделе разума, где она хранила стратегические расчёты, мелькнула мысль: «Но даже мелкий

хищник, загнанный в угол, может укусить. Запомню».

Дверца такси закрылась, увозя её в ночь, оставляя Лиаму одного на опустевшем тротуаре – с комом невысказанных слов в горле и щемящим чувством, что его только что оценили, рассмотрели и отнесли к категории «нестоящих».

“Иллюзия дня”

Элис

Я не услышала, как уехал Адам. Я услышала, как захлопнулась тяжелая входная дверь пентхауса – глухой, окончательный звук, похожий на щелчок отпираемого замка, но с обратным смыслом. Я приоткрыла глаза, посмотрела на циферблат часов на прикроватной тумбочке: 5:30. Слишком рано для его мира. Идеально – для моего.

На душе распустилось странное, теплое чувство, похожее на лёгкость. Не просто отсутствие Адама – отсутствие долга. Отсутствие необходимости играть роль, следить за интонацией, прятать взгляд. На три дня я была свободна от супружеских обязательств, как заключённый, получивший краткосрочный отпуск. А что будет потом? Мысль попыталась вползти, как холодный сквозняк. Я отогнала её. Потом. Было только «здесь» и «сейчас», и это было всё, что имело значение.

Окончательно проснувшись, я надела свои любимые белые, пушистые тапочки – глупый, детский подарок от подру-

ги из колледжа, который я прятала от всех. Налила кофе в большую кружку, а не в фарфоровую чашку, и устроилась на широком подоконнике, глядя на просыпающийся город. В это утро даже кофе пах иначе – не дорогими зёрнами, а просто кофе, и он был вкуснее всего на свете.

Я набрала номер Лиамы. Он ответил почти сразу, голос сонный и хриплый от утренних сигарет.

– Я свободна, – выпалила я, не поздоровавшись. – На три дня. Он уехал.

На другом конце секунду царила тишина, а потом я услышала его смех – низкий, довольный.

– Вот это новости, малышка.

Мы проговорили часа два. В основном болтала я – потоком выливались планы, мечты, глупые наблюдения за погодой. Он слушал, изредка вставляя «ага» или «представляю». Связь то и дело прерывалась – он был за рулём, ехал в соседний город по своим делам. «Делам», о которых никогда не рассказывал подробно. Эх, если бы он знал сразу, может, повернул бы обратно... Но он обещал приехать к вечеру и остаться со мной на все выходные. Наши выходные.

Вечер. Встреча.

Он не стал заходить. Не позвонил в домофон. Лиам не признавал чужих территорий, особенно этой – лощёной, холодной, пахнувшей деньгами и контролем. Его принцип был прост: женщина его, и точка. Границы определял он.

Я ждала его в переулке в двух кварталах от дома, кутаясь в большой шерстяной платок и вязаный костюм. Небо хмурилось, накрапывал холодный дождь, ветер норовил сорвать очки. Я ёжилась, думая, что вот-вот промокну и это испортит всё. Но потом услышала – не звук, а вибрацию – знакомый рёв его «Мустанга». Из-за поворота, срывая брызги с асфальта, выскочила чёрная машина. Моё сердце запрыгало, как бешеное. За секунду я впрыгнула на пассажирское сиденье, и мы рванули с места, оставив мрачный квартал позади, как тюремный периметр.

– Я так соскучилась, – я бросилась к нему, целуя в щёку, в шею, вдыхая запах бензина, кожи и дождя.

– Я тоже, малышка, – он коротко обнял меня, одной рукой ловко управляя рулём. Его внимание было на дороге.

– Но где ты был? Мы потеряли целый день! – в моём голосе прозвучала детская обида.

– Ещё наверстаем. С лихвой.

– Куда мы едем?

Он наконец посмотрел на меня, и в уголках его глаз собрались лучики морщинок от полуулыбки.

– А тебе это важно?

Я улыбнулась в ответ, поняв, что задала глупый вопрос.

– Нисколько.

Мы ехали в его лофт над автомастерской. Работа и жильё – два в одном, практично и без излишеств. Я бывала здесь всего раз, и то мельком. Мы всегда предпочитали машину, гостиницы, любые другие места – возможно, потому что здесь, в его логове, всё было слишком по-настоящему,

слишком обнажённо.

Я вошла, пытаюсь рассмотреть детали в полумраке: грубые кирпичные стены, стол, заваленный деталями, запах металла и старого дерева. Но не успела сделать и шага. Сильные руки схватили меня сзади, прижали к твердой, неподвижной груди. Ни поцелуя, ни слов. Его ладони сразу нашли мою грудь под тонкой тканью кофты, сжали, помяли, больно потянули за соски, которые мгновенно отозвались, затвердев. Его грубость была знакомой, почти ритуальной – она стирала остатки того мира, откуда я приехала. Она напоминала, кто я здесь: не жена, не дочь, а просто женщина, жаждущая его.

Он резко развернул меня лицом к себе. Я потянулась к его губам, но он отстранился, удерживая на расстоянии. Его глаза, тёмные и нечитаемые, скользнули по мне.

– Раздевайся.

Это был приказ. Чёткий, без эмоций. И я подчинилась, потому что в этом подчинении была своя свобода. Я сбросила кофту, стянула штаны, отшвырнула кеды. Осталась только в простых хлопковых трусиках, внезапно чувствуя себя уязвимой.

– Всё, – сказал он, не двигаясь с места. Он облокотился о грубую стену, скрестив руки на груди, и продолжил смотреть. Его взгляд был тяжёлым, осязаемым, как прикосновение.

Я, покраснев, застеснявшись, хотя он видел меня голой десятки раз, сняла последнюю преграду. Только тогда он по-

шевелился: расстегнул джинсы, стянул их вместе с боксёрами. Он был уже возбуждён, его член напряжённо пульсировал в полумраке. Я опустила глаза, чувствуя, как жар разливается по всему телу.

— Ты знаешь, что делать.

Ещё один приказ. Я подошла и опустилась на колени на прохладный бетонный пол. Без прелюдий, взяла его в рот, стараясь захватить глубоко, сразу задавая быстритм. Он закинул голову назад, из его груди вырвался глубокий стон. Меня возбуждало это — сила, с которой я могла контролировать его удовольствие, быть источником его потери контроля. Его шершавая ладонь легла на мой затылок, не давя, но направляя.

— Глубже, детка. Да, вот так.

Я старалась, слюна стекала по его стволу, мой ритм стал неистовым, отчаянным. Через несколько мощных толчков он кончил, а я, сглатывая, чувствовала новый прилив собственного возбуждения — от вкуса, от власти, от его сдавленного рычания.

— Ты уже мокрая для меня? — спросил он хрипло, всё ещё опираясь о стену.

— Всегда, — выдохнула я.

Я не успела отдышаться. Он поднял меня, как перышко, и повалил на широкий, неубранный диван, животом вниз.

— Встань на колени.

Я повиновалась. Его пальцы скользнули между моих ног,

размазав мою влагу, протестировав готовность. Я потерялась о них, жадно, требуя большего. Шорох упаковки презерватива, звук резины... и затем – один резкий, заполняющий до предела толчок. Я вскрикнула от внезапности и полноты.

Он не торопился. Взяв меня за бёдра своими железными руками, он начал двигаться – медленно, невероятно глубоко, вымеряя каждый сантиметр. Каждый толчок был отдельным событием, заставляющим меня стонать. В какой-то момент он вошёл так глубоко, что, казалось, коснулся самой души. Я всхлипнула от переполняющих чувств, а он издал протяжный, сдавленный стон.

– Быстрее, милый, пожалуйста, быстрее!

И мы сорвались в привычный, бешеный галоп. В этом темпе не было места мыслям, только тело, пот, сливающиеся воедино крики. Он трахал меня с такой яростью, с какой никогда прежде, будто пытаюсь стереть с меня не только одежду, но и память, запах, следы другой жизни. Я кричала так, что он иногда ладонью закрывал мне рот, приглушая звуки в подушку. Оргазм накатил внезапно, волной сжав всё внутри, заставив тело затрепетать в немых конвульсиях.

Лиам не остановился. Он перевернул меня на бок и вошёл снова, сменив угол.

– О, Лиам...

Он прижал меня к дивану всем весом, лишив возможности двигаться, и продолжил, методично, почти машинально, пока его собственное тело не напряглось в финальной серии

толчков. Он рухнул рядом, дыхание было тяжёлым, как у загнанного зверя.

Я сразу же прильнула к нему, обвивая руками, прижимаясь к потной, тёплой коже.

– Лиам, это было... невероятно.

– Ага, – он коротко кивнул.

Он резко встал, прошёл к мини-холодильнику и достал бутылку пива. Открыл её зубами, сделал несколько длинных глотков, глядя на меня сверху вниз. Он был всё ещё гол, и его член, полувозбуждённый, показывал, что вечер далёк от завершения. Боже, мне нужно минутку, – промелькнуло у меня, но я не сказала ничего.

– Ты чем-то обеспокоен? – осторожно спросила я, подтягивая к себе простыню.

– Новый проект, – бросил он, отводя взгляд к окну. – Сложный. И пока не знаю, с какой стороны подступиться.

– Я могу чем-то помочь? – я села, в глазах загорелся искренний интерес.

– Думаю, да, – он повернулся, и его взгляд стал пристальным, оценивающим. – Но пока не стоит.

Он подошёл к своей потрёпанной рабочей сумке, порывлся в ней и достал что-то, завёрнутое в мягкую ткань. Развернул. На его ладони лежала брошь. Небольшая, но ослепительная. Золотая оправа в виде изогнутой ветви была усыпана мелкими, но чистыми бриллиантами, которые даже в тусклом свете лофта играли холодными искрами.

– Лиам... – я ахнула, взяв её дрожащими пальцами. – Она... восхитительна. Откуда?..

Это был первый по-настоящему материальный, дорогой подарок от него. Радость смешалась с внезапным холодком недоумения. Откуда у механика деньги на такое?

Пока я рассматривала брошь, пытаюсь понять её происхождение, он снова лег рядом. Его губы обжигаяще коснулись соска, зубы слегка сжали его. Его пальцы, всё ещё пахнущие мной и металлом, легли на мой живот, а затем медленно, неспешно поползли вниз. Там всё ещё было влажно от него.

– Не останавливайся, – прошептала я, забывая о броши, отдаваясь новому витку желания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.